

Р.И. Бравина*, В.М. Дьяконов*, Е.Ю. Колбина, Д.М. Петров***

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского 1, Якутск, 677027

**Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
ул. Белинского. 58, Якутск, 677000

E-mail: *bravinari@bk.ru;

*dyakonov_vm@rambler.ru;

**kolba72@mail.ru;

*dmpetrov-92@mail.ru

К ВОПРОСУ О РИТУАЛЬНО ПОТРЕВОЖЕННЫХ ЗАХОРОНЕНИЯХ ЯКУТОВ (XVII–XVIII вв.)

На основе анализа археологических материалов средневековых погребений якутов поднимаются проблемы интерпретации могил со следами древнего постингумационного проникновения и ритуального нарушения погребальных конструкций и анатомической целостности костяков погребенных с привлечением этнографических и фольклорных данных. Дается обобщенная характеристика основных видов потревоженных захоронений позднего средневековья Якутии: вторичные погребения, бальзамирование, обезвреживание опасного умершего, осквернение, ограбление и т.д. Приводятся историко-сравнительные данные по древним и средневековым культурам Центральной Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока. Рассматриваются мировоззренческие представления о загробном существовании, ритуальные действия якутов в отношении «опасных» мертвецов и сакральных лиц.

Ключевые слова: Якутия, якуты, средневековье, погребения, потревоженные захоронения, постингумационные обряды, древние проникновения в могилу, интерпретации, этнографические параллели, фольклорные данные.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-086-096

Введение

При археологических исследованиях погребальных памятников древних и средневековых культур довольно часто встречаются могилы со следами разрушения погребальных камер и анатомической целостности скелета [Бондаренко, 2014]. До недавнего времени подобные могилы трактовались как ограбленные, однако в последние десятилетия стали появляться другие интерпретации: использование могил более раннего времени для погребения своих покойников [Максименков, 1975], осквернение [Молодин, Соловьев, 2004], месть [Черных, Кузьминых, 1987], обряды обезвреживания [Аксенов, 2002; Матвеева 2003; Семейная обрядность..., 1980; Флеров, 2000, 2005, 2006; Худяков, Скобелев, 1984], обряды, не относящиеся к погребальным, но связанные с потусторонним миром,— общение с покойным, инициации [Кузьмин, 1991], обряды освобождения души [Нелин, 2001].

На территории Якутии наиболее ранние потревоженные погребения встречены в среде ымыяхтахцев. Так, С.А. Федосеева, анализируя погребения Дириг-Юряхского могильника, пришла к выводу, что они были разграблены в древности каким-то более поздним населением с целью изъятия из могил медных или бронзовых предметов [1988]. В Кердюгенском погребении ымыяхтахской культуры также были отмечены нарушения, связанные, по одной из версий, с постпогребальным обрядом вторичного захоронения, когда из могилы извлекаются некоторые кости, взамен которых подкладываются кости других погребений [Степанов и др., 2012, с. 57].

Частичное разрушение стенок погребальной камеры, нарушение анатомической целостности костей скелета, их расположение вне погребальной конструкции в могильном заполнении довольно часто фиксируются в протоколах раскопок якутских погребений позднего средневековья и, как правило, оговариваются как повреждения, вызванные норной деятельностью мелких млекопитающих — грызунов. Однако среди них особняком стоят погребения, в которых прослеживаются явные следы ритуального разрушения: Ботурусское, Тандинское-1, Сытыган Сихэ (Центральная Якутия), Тымпы (Вилуй) и Чочур-Муран (долина Туймаада, г. Якутск). Целью на-

К вопросу о ритуально потревоженных захоронениях якутов (XVII–XVIII вв.)

стоящей статьи является попытка интерпретации погребальных обрядов, представленных археологическими материалами этих погребений.

Вторичные погребения

Впервые могила с нарушением анатомической целостности костей скелета в Якутии была зафиксирована Н. Геккером. В 1896 г. он опубликовал описание трех погребений, исследованных им в Ботурусском (ныне Таттинском) улусе [Геккер, 1896, с. 188–189]. Погребение, в котором отмечалось нарушение костяка, имело надмогильное сооружение в виде сруба из вертикально поставленных жердей типа якутской юрты балагана. На глубине около 1 м оказался сруб из довольно толстых бревен, покрытый «большим куском бересты», где находился костяк, анатомический порядок костей которого был нарушен: «...нижняя челюсть найдена возле колена левой ноги, а череп вниз лицом, в то время как остальной скелет лежал в могиле правильно, спиной вниз». Н. Геккер был склонен видеть в этом результат перезахоронения с наземной погребальной конструкции арангаса.

К типу вторичных погребений также относятся погребение Тандинское-1 (Усть-Алданский район) и Сытыган Сихэ-2 (Хангаласский район), в которых отмечены нарушения анатомической целостности скелетов. Во втором погребении кости скелета были сложены в западной части гроба, при этом череп и верхняя часть тела частично сохраняли анатомический порядок. Кости нижних конечностей были сложены в области живота [Мир древних якутов..., 2012, с. 74, 76–77].

Среди ближайших соседей якутов подобный обычай бытовал у древних и средневековых племен Приамурья, причем в культуре мохэ он являлся основным [Деревянко, 1975, 1977, 1981]. Встречены вторичные погребения и у чжурчженей, генетически связанных с мохэсцами [Нестеров, 1998, с. 75–85].

Бальзамирование

Среди якутских могил позднего средневековья со следами нарушения костяка особняком стоит погребение Тымпы (Нюрбинский район), обнаруженное на территории проживания хангаласского рода вилюйских якутов, датированное методом радиоуглеродного анализа 1640–1690 гг. На дне могильной ямы находился прямоугольный сруб из лиственничных бревен, а внутри его гроб-ящик из плах [Мир древних якутов..., 2012, с. 66, 67, 183]. Костяк мужчины пожилого возраста лежал на спине, вытянуто, головой на запад. По исследованиям французских антропологов, брюшная полость была набита сеном и сосновой корой. При этом внутренние органы были изъяты путем доступа к ним через межреберные промежутки, а также были обнаружены следы входов к головному и спинному мозгу. Все это позволило ученым сделать вывод о бальзамировании умершего, что, на наш взгляд, объясняет наличие в теле именно сосновой коры, как источника консервирующего материала — смолы. Тело имело многочисленные перфорирующие и острые повреждения, полученные до смерти либо послужившие ее причиной. Сопроводительный инвентарь в погребении отсутствовал. Генетические данные по отцовской линии (Y-хромосомы) погребенного совпадают с данными по линиям глав родов Центральной Якутии и Вилюя XVIII в., следовательно, речь идет о представителе якутской знати — социальной верхушки [Там же, с. 182].

На сопредельных территориях традиция мумификации трупов встречается в тесинских курганах-склепах Минусинской котловины, абсолютная хронология которых совпадает с периодом владычества в степях Центральной Азии кочевых империй сюнну (конец III в. до н.э. — конец I в. н.э.) и сяньби (конец I в. н.э. — 235 г. н.э.) [Кузьмин, 2011, с. 35–37]. На основе анализа археологических материалов этих погребений удалось реконструировать приемы обработки тел умерших, которые обнаруживают значительное сходство с операциями, проводившимися при мумификации трупов, захороненных в пазырыкских курганах Алтая, что позволило поставить вопрос о «феномене саяно-алтайских мумий». Алтайские приемы бальзамирования эволюционируют и модифицируются на Енисее, и возникает обычай изготовления кукол-манекенов [Кузьмин, 2011, с. 187–191].

В этой связи следует отметить присутствие в культуре якутов хунно-сяньбийского пласта, включающего и элементы, относящиеся к погребальной обрядности [Алексеев, 2013; Савинов, 2010, 2013]. Например, гроб-ящик, помещенный в прямоугольный сруб, из погребения Тымпы точно повторяет устройство внутримогильных сооружений хуннских элитарных погребений. Вполне возможно, что следы бальзамирования трупа в погребении Тымпы имеют те же корни. По данным Г.В. Стеллера — участника Второй Камчатской экспедиции, якуты в случае необхо-

димости могли выполнять трепанацию черепа. Больному, у которого при падении или ударе был рассечен череп, побрили голову ножом. Применив еще теплое сердце животного, промыли рану теплым молоком до костей, полностью очистив ее от крови. Дальше терли кости ножом до их истончения, только потом, вскрыв череп, дали вытечь крови или гною и затем вынули осколок [Шишигина, 2005, с. 106]. Участник этой же экспедиции Я.И. Линденау также описал лечение при ране черепной коробки «*Bas-Kaidubut*» со вскрытием черепа и наложением на рану бересты [Линденау, 1983, с. 34].

Умение якутов пользоваться приемами мумификации умерших показывает обычай *малаа-сын* или *чорой* — «наделения родственников остатками умершего почитаемого человека, чаще всего родоначальника». Так, расчленив тело родоначальника Мельжахсинского рода из Мегинского улуса по имени Тороной-боотур, жившего в XVII в., «разделив мясо в качестве талисманов, сородичи собрали все кости на коже. Последние превратились в фетиши и затем назывались *Бах-Тангара*» [Окладников, 1955, с. 286–287]. Согласно другому преданию, после убийства Чугун Бодоем его врага — шамана Теренея родичи последнего — борогонцы собрали куски разбросанного тела Теренея, завернули его в кожу и засушили в форме, что тогда называлось *бараан*. Поставив *бараан* в передний угол, долго потом почитали.

К хунно-сяньбийскому пласту, вероятно, относится и якутский обычай изготовления куклы-заместителя умершего *туктуйэ* с последующим вложением его в гроб [Бравина, Попов, 2008, с. 136, рис. 72]. Данный обычай был широко распространен среди других народов Сибири, связанных происхождением с территорией Саяно-Алтая [Семейная обрядность..., 1980]. В то же время нельзя не отметить обычай посмертных анатомических операций, бытовавший у юкагиров, этническая история которых, возможно, была также связана с саяно-алтайским регионом [Там же, с. 200].

Погребение Чочур-Муран

В контексте нарушенных могил определенный интерес представляет погребение Чочур-Муран, которое по типологическим признакам предметов сопроводительного инвентаря можно датировать XVII–XVIII вв. Чочур-Муран — сопка конической формы на левом берегу Лены, в 5 км к западу от центральной части г. Якутска, представляющая собой обособленную распадками краевую часть уступа Маганской террасы (западного борта долины р. Лены). Абсолютная отметка 193 м, превышение над основанием 100 м. В старину сопка почиталась якутами как священная гора.

Предварительная разведка на местности выявила в 6 м от края террасы слабо выраженную могильную западину продолговатой формы размерами 167×121 см, внутри которой расположена визуально фиксируемая впадина меньших размеров. Местность представляет собой пространство, покрытое травой и кустарниками, окаймленное с северной стороны лесом.

При расчистке дерна и верхнего почвенного слоя на глубине 15 см от уровня дневной поверхности отмечено четко выраженное могильное пятно продолговатой формы размерами 212×138 см, ориентированное по оси запад — восток, а также следы четырех вертикально поставленных столбов диаметром 15–17 см, видимо, от надмогильного сооружения. При этом следы двух столбов в западной части могилы почти совпадали с внешними контурами могильного пятна, третий — юго-западный находился внутри его границ, четвертый — северо-западный был расположен чуть наискось.

На глубине 42 см от уровня дневной поверхности появилась крышка гроба-колоды длиной 230 см. При дальнейшей расчистке оказалось, что крышка с восточной стороны разрублена, судя по следам, топором. Гроб-колода изготовлен из лиственницы, ствол которой расщеплен вдоль на две равные части, одна из которых представляет собой крышку, а вторая выдолблена под основу. Размеры колоды: длина основы 270 см, диаметр торца 40 см. Гроб изнутри доверху заполнен утрамбованной землей. После окончательной зачистки скелета предстала следующая картина: покойная лежит на спине, голова повернута несколько вправо, верхние и нижние конечности расположены вдоль тела. Ориентирована погребенная на запад с некоторым отклонением к северу (рис. 1).

В изголовье, т.е. возле западного торца гроба, находились два фрагмента орнаментированной бересты в виде полосок со следами шитья — вероятно, стенки берестяного сосуда. В области тазовых костей по обе стороны найдены одно круглое в сечении и три плоских металлических кольца-подвески, вероятно от натазников, имевших трапециевидные навершия (рис. 2,

К вопросу о ритуально потревоженных захоронениях якутов (XVII–XVIII вв.)

4–6). Рядом с правой бедренной костью, ближе к тазу, обнаружен металлический игольник (рис. 1, 7). Он представляет собой полую, круглую в сечении трубку, свернутую из металлической пластины и запаянную по шву. Края трубки-игольника слегка утолщены. Игольник покрыт резным орнаментом, составленным из полос, состоящих из четырех линий, опоясывающих игольник, чередующихся с полосами косых решеток. Через игольник продет кожаный ремешок, к нижнему концу которого прикреплено плоское кольцо с трапециевидным навершием, аналогичное предыдущим, а к верхнему — круглое в сечении кольцо с остатком кожаного шнура, с помощью которого изделие крепилось к одежде (рис. 2, 7). В области кистей рук обнаружено три металлических колечка (два на левой, одна, вдетая в фалангу, на правой), которые представляли собой согнутые внахлест полоски металла, зауженные к концам (рис. 2, 1–3).

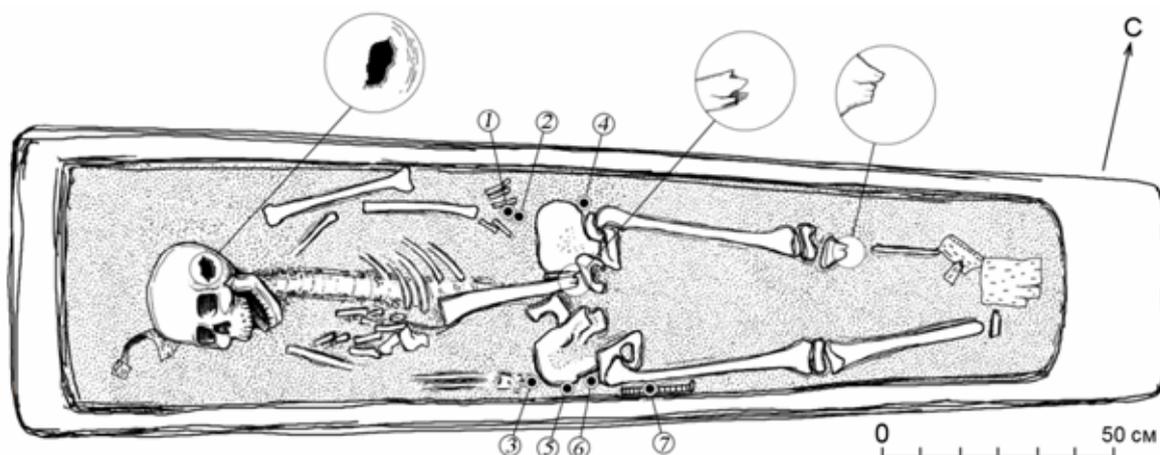

Рис. 1. Общий вид погребения Чочур-Муран. Расположение инвентаря:
1–3 — кольца; 4–6 — кольца от натазников; 7 — игольник.

Одежда сохранилась плохо, по фрагментам можно полагать, что она была изготовлена из выделанной кожи. На останках тела и фрагментах одежды было множество личинок и куколок некрофильных насекомых.

По сопроводительному инвентарю погребение Чочур-Муран может быть датировано XVII–XVIII вв. В якутских погребениях до этого было найдено 7 игольников, 6 из которых сделаны из металла, а один из кости. Аналогичный игольник происходит из погребения у оз. Теплово, случайно обнаруженного местным жителем в районе Залого на ул. Строда, 78, в г. Якутске в 2007 г. [Максимова, 2008]. В женском погребении здесь находился игольник, по всей длине украшенный опоясывающим орнаментом в виде четырех линий, чередующихся с поясками, украшенными косой решеткой [Дьяконов, 2014]. Кроме того, в погребении на оз. Теплово были найдены традиционные для XVII–XVIII вв. якутские серьги в виде знака вопроса с нанизанными на них бусинами-одекуй голубого и белого цветов, а также кольца с трапециевидными навершиями, аналогичные рассмотренным выше [Максимова, 2008].

На левой височной кости погребенной зафиксировано сквозное отверстие неправильной овальной формы, размерами 5×3 см, края которого истончены, легко крошатся. Ввиду изменений костной ткани высказать однозначное суждение о механизме и прижизненном его образовании невозможно. Учитывая сквозной характер и расположение отверстия в области самой тонкой части костей свода — чешуи височной кости, можно предположить, что оно было следствием каких-либо насильственных действий, сопровождавшихся повреждением костей черепа, т.е. травмой головы (тупая травма, рубленые, колотые и т.п. повреждения), возможно явившихся причиной смерти (рис. 1). Анатомическое взаиморасположение костей скелета, за исключением нижних конечностей, не нарушено. Зафиксирован факт полного отделения костей голени и стопы левой нижней конечности, обнаруженных в районе тазовых костей и грудной клетки и обращенных к голове покойной дистальным (нижним) концом конечности. При этом верхний конец большеберцовой кости левой голени был раздроблен и имел крупнозубчатые края. Другой фрагмент данной кости расположен на своем анатомическом месте. Кроме того,

на уровне данного отделения костей голени имеется еще повреждение нижнего эпифиза левой бедренной кости, расположенное косопоперечно к длиннику кости, с ровными краями, морфологически сходными с разрубам костной ткани (рис. 1).

Все вышеописанные повреждения расположены в области левого коленного сустава, т.е. в месте сочленения бедренной кости с костями голени. К сожалению, судить о прижизненном или посмертном образовании этих повреждений в настоящее время не представляется возможным. Есть версия их появления при проникновении неизвестного лица в уже зарытый в могилу гроб. В этом случае механическое воздействие на тело могло привести к незначительному истечению крови и развитию различной биофлоры в данном месте, на что указывает обнаружение множественных куколок и личинок насекомых на трупе и одежде.

Особенности костной ткани: на всех длинных трубчатых костях в концевых отделах на границе сращения костной ткани с хрящом (эпифиза и диафиза) имеется щелевидное разъединение костной ткани, что говорит о юном возрасте погибшей, так как сращение костных эпифизов с диафизом происходит после 15–17 лет.

По данным антропологического исследования, череп с нижней челюстью принадлежит лицу женского пола монголоидной расы с признаками европеоидности. Умершая к моменту смерти еще не достигла 14 лет. Прямых данных, указывающих на то, что погребенная могла быть больна или умерла неестественной смертью, не выявлено.

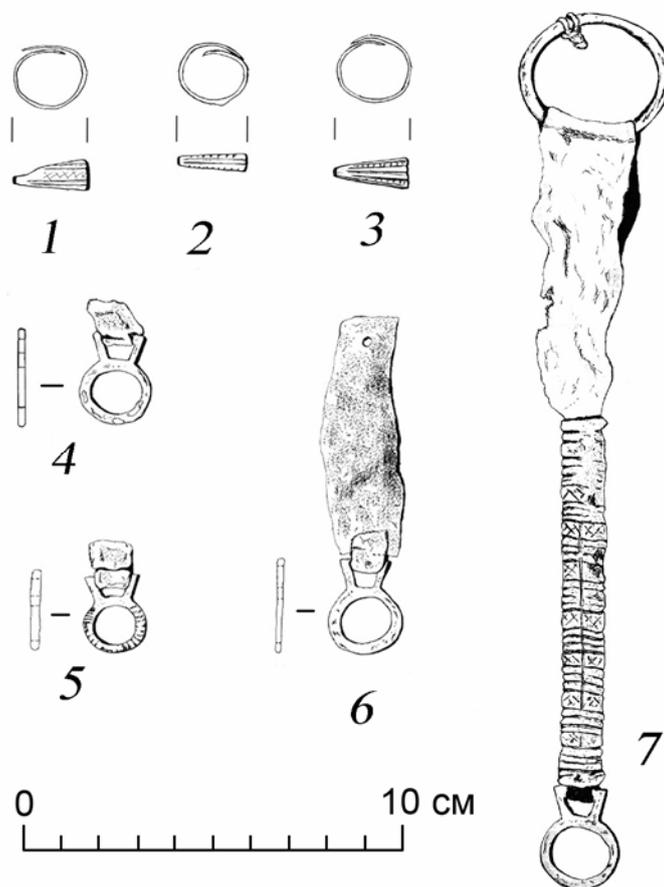

Рис. 2. Сопроводительный инвентарь:
1–3 — кольца; 4–6 — кольца от натазников; 7 — игольник.

Интерпретация

Археологическая характеристика позволяет отнести данное погребение к типу нарушенных могил и поставить вопрос о возможных причинах постингумационных действий, решение которого требует привлечения фольклорных и этнографических материалов.

К вопросу о ритуально потревоженных захоронениях якутов (XVII–XVIII вв.)

Во-первых, наличие «грабительского» лаза в виде прорубленной крышки в задней (восточной) части гроба, где в якутских могилах традиционно помещаются наиболее ценные предметы сопроводительного инвентаря, и разбросанные в беспорядке кости ног позволяют выдвинуть версию об ограблении. Судя по размерам могильного пятна, которые совпадают с параметрами основы колоды, и следам от столбов надмогильного сооружения внутри границ могильного пятна, могила была разрыта через небольшой промежуток времени после похорон, когда земля еще не просела, т.е. до сооружения надмогильной конструкции. Этой версии не противоречит расположение могилы на местности. По преданиям, на вершинах гор обычно хоронили представителей знатных родов, что подтверждается данными археологических раскопок, произведенных Е.Д. Стреловым и Г.В. Ксенофонтовым на сопках Лысая гора, Тюкэй Мыраана и Эрикэн Мыраана. Сопроводительный инвентарь этих погребений был богатым, помимо предметов утвари, вооружения включал украшения, меха и запасную одежду [Бравина, Попов, 2008, с. 216–220, 246]. По свидетельству вице-губернатора Якутской области В.Л. Приклонского, юриста по образованию, в 1840-х гг. производилось следствие о разграблении могилы. Показание обвиняемого вкратце состояло в следующем: «Умерший, могилу которого я изрыл, был мой прадед. Родные нередко говаривали о его богатстве и пышности похорон. Сам я беден, и часто задумывался, что, может, со стариком похоронены драгоценности. В крайнем случае, рассчитывал на его теплую одежду: похороненный в мерзлой земле покойник и его платье не должны были истлеть. Покойный был мне родня, а потому я был уверен, что он не будет пугать меня; одежда пропала бы даром, а я мог ею воспользоваться. Эта мысль долго преследовала меня и, наконец, я решился исполнить задуманное. Выбрав темную ночь, я раскопал могилу, нашел сруб; могила была глубока, как хоронят обыкновенно богатых. В ногах гроба, в срубе лежали: нож, ложка, медный котел с маслом и кадушка с вареным конским мясом; оно не казалось испорченным, и я, голодный, поел того и другого. Мясо было дрябло и безсочно, но масло было положительно свежее и вкусное. С трудом отбив крышку гроба, я увидал труп деда; он был большого роста, в рысьем саньяхе (доха), лицо было закрыто рысьей шкуркой, которую я и взял. Труп был свеж. Не найдя ничего кроме одежды, я встал в ногах гроба и убажрал деда не сердиться на меня, жаловался ему на свою бедность, голод, и только после этого я приблизился к нему. Тут только заметил я на его указательном пальце серебряный перстень, который решил снять... Взглянув на лицо старика, я ясно видел, что он смотрит на меня и смотрит сердито, даже что-то бормочет, чего я не мог разобрать. Испугавшись, я вылез из могилы и не помню, как прибежал домой. Наутро люди увидали разрытую могилу, донесли начальству; так я и не успел зарыть могилу и повторить свою попытку снять перстень» [Приклонский, 1891, с. 77–78].

Во-вторых, в Примечании «Устава об управлении инородцами» 1822 г. к преступлениям, рассмотрение которых отнесено к исключительной компетенции русской администрации в «присутственных местах», отнесено осквернение могил — гробокопательство [Федоров, 1991, с. 21]. Нарушение могилы как осквернение имело место в культуре многих народов с древних времен. Известны, например, факты кратковременного проникновения враждебного этноса на чужую территорию с целью нанесения предельного оскорбления — осквернения могил предков: «Во время сюннуского шаньюя Цзяньди ухуань, усилившись, раскопали курган сюннуского шаньюя, намереваясь отомстить за стыд поражения [понесенного ими] от Маодуня. Шаньюй Цзяньди сильно разгневался, отправил 20 000 конницы, чтобы напасть на ухуань» [Кюннер, 1961, с. 137]. В таких могилах, как полагает Ю.Н. Кузьмин, нарушения бывают наиболее значительными: разбросанные в беспорядке кости, разломанные вещи и т.п., причем отличительным признаком может быть отсутствие многих костей скелета, которые могли выбрасываться из могил [1991]. В нашем случае отсутствуют многие кости ног, в том числе ступней. По фольклорным данным, враждующие между собой якутские роды совершали акты осквернения могил, нанося обиду, приравненную к кровной мести. По материалам А.А. Саввина, якуты Соттинского наслега в Центральной Якутии враждовали из-за размежевания сенокосных угодий. Один из них перед смертью завещал сыновьям похоронить его на спорной территории для утверждения прав на данную местность. Спустя некоторое время его противник раскопал тело и сжег [Саввин, 1937]. В текстах якутских проклятий кырыыс часто присутствовала речевая формула «*кюлгюн буккуйуом*» (букв. «смешаю твою золу») со значением уничтожения врага [Нелунов, 1998, с. 256]. Герой якутского эпоса олонхо, разведя огромный костер, сжигает тела врагов, а пепел развеивает [Емельянов, 1980, с. 31, 63, 104, 134]. Особое внимание при этом уделяется полному уничтожению врага, так как из любой частицы тела он может возродиться. В нашем случае, помимо родовых разборок, одной из возможных причин

осквернения могилы могли послужить европеоидные черты погребенной. По материалам Г.Ф. Миллера, непростительным грехом для якутской женщины считалась связь с русским, в таком случае ее переводили в положение рабыни или прогоняли без средств [Элерт, 1999, с. 156]. У верхоянских якутов если якутка вступала в связь с русским, «то ее не называли якутским именем; не позволяли пройти мимо варящейся пищи, а если она проходила мимо какой-нибудь чашки с пищей, то эту пищу уже не ели» и т.д. [Худяков, 1969, с. 118]. По традиционному представлению, человек должен жить во имя продолжения своего рода. По этой причине как женщина, вышедшая замуж за чужака, подобно человеку, преступившему обычай предков, так и дети от смешанных браков отторгались на ритуальном уровне от своего социума.

Наличие отверстия на виске не исключает вероятность насильственной смерти покойной. В этом случае образование личинок и куколок некрофильных насекомых могло произойти на стадии разложения тела. Возможно, тело похоронили, не пытаясь изменить его посмертное положение, с целью герметизации внутреннего пространства колоды завалили грунтом, что довольно часто встречается в якутских погребениях.

В якутском фольклоре есть сюжеты о том, что ноги убитых отсекали [Ксенофонтов, 1977, с. 91], возможно для того, чтобы обезножить вероятных претендентов на превращение в злых духов *юер*.

В этом случае возникает версия о нарушении целостности костей скелета, главным образом костей ног, с целью обезвреживания «опасной» покойницы. Якуты боялись людей, умерших неестественной смертью, особенно молодых, не успевших насладиться жизнью. Исходя из представлений, что души *кут* «неправильно» умерших не берут в мир предков и они остаются в мире живых в облике злых духов *юер*, таких покойников хоронили с соблюдением соответствующих мер предосторожности. Хоронили их ничком, ориентируя головой в обратную сторону, т.е. на восток, связывая с ног до головы волосяными веревками, зашивая передний разрез и рукава одежды [Бравина, 2012]. Все делалось для того, чтобы души таких умерших «не ходили» и не причиняли живым людям вреда.

Данная версия может иметь еще несколько вариантов. Уничтожение костей ног могло быть вызвано мезьей в отношении умершей с целью обездвигнуть и тем самым помешать ей достичь загробного мира и найти там успокоение. В мифологическом сознании якутов путь в потусторонний мир представлялся сухопутным и дальним, поэтому особое внимание уделялось обуви умершего, подошву которой шили в два-три слоя. Учитывая возраст умершей, можно предположить, что мезья направлялась не конкретно против нее, а против рода. Превратившиеся в злых духов покойники причиняли несчастье и беды, прежде всего своим родным.

В якутском фольклоре встречаются также сведения о вскрытии могил для того, чтобы посредством определенных манипуляций с костями и органами умерших проводить магические действия [Саввин, 1941]. По рассказам старожилов, в 1918–1919 гг. в г. Вилуйске было возбуждено уголовное дело об эксгумации умершего от рака пищевода с целью извлечения органа [Там же, л. 83]. Вероятно, такие случаи не были единичными, подобное дело, возбужденное против жителя Ботурусского улуса, упоминается в записях Н.А. Виташевского [1908, л. 43].

Заключение

Рассмотренные выше якутские погребения Ботурусское, Тандинское-1, Сытыган Сихэ, Тымпы и Чочур-Муран исходя из археологических данных и последующей интерпретации с привлечением фольклорных, этнографических, биологических и медицинских данных можно отнести к трем типам потревоженных захоронений: перезахоронение, бальзамирование и обезвреживание разных категорий покойников. Перезахоронение в землю после разрушения первичного погребения на помосте, вероятно, применялось якутами в отношении останков не только шаманов, но и рядовых членов общества. Бальзамировались тела сакральных лиц. К таковым относились предводители элитных родов, которые после смерти переходили в ранг почитаемых предков. Погребение Чочур-Муран со следами постпогребального проникновения можно интерпретировать различным образом: 1) ограбление; 2) осквернение и 3) обезвреживание (обездвижение). В последнем случае речь идет об одном из ритуальных элементов погребения «опасных» умерших (захоронение ничком, связывание, например). Кроме того, не исключаются варианты мести, что органически стыкуется с версией осквернения и манипуляций с костями в магических действиях, не связанных с погребальной обрядностью.

К вопросу о ритуально потревоженных захоронениях якутов (XVII–XVIII вв.)

Видимо, в рассмотренных погребениях сохранились архаичные элементы ранней культуры якутов, которая формировалась под влиянием древних и средневековых культур Центральной Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература

- Аксенов В.С.* Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА. 2002. № 3. С. 98–114.
- Алексеев А.Н.* Ранние кочевники в Якутии // Вестн. СВФУ. 2013. Т. 10. № 5. С. 62–69.
- Бондаренко А.В.* Практика постингумационного нарушения могил в культурах ранней и развитой бронзы Западной Сибири: Археологические факты и этнографические параллели // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 3 (26). С. 25–33.
- Бравина Р.И.* Ритуальные элементы в погребениях «опасных» умерших (по материалам якутских погребений XVII–XVIII вв.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5–9 сентября 2012 г.). Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. С. 505–509.
- Бравина Р.И., Попов В.В.* Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.
- Геккер Н.* Три якутские могилы // Изв. ВСОИРГО. 1896. Т. 26. Вып. 4–5. С. 183–197.
- Деревянко Е.И.* Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1975. 250 с.
- Деревянко Е.И.* Троицкий могильник. Новосибирск: Наука, 1977. 224 с.
- Деревянко Е.И.* Племена Приамурья. Новосибирск: Наука, 1981. 225 с.
- Дьяконов В.М.* Находка костяного игольника с иглами на неолитической стоянке Владимировка III (Центральная Якутия): Вопросы аналогий и феномен персистентности в культурном развитии // Вестн. Северо-Восточного НЦ ДВО РАН. 2014. № 1. С. 89–96.
- Емельянов Н.В.* Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 375 с.
- Ксенофонтов Г.В.* Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977. 248 с.
- Кузьмин Н.Ю.* Ограбление или обряд? // Реконструкция древних верований: Источники, метод, цель. СПб.: Гос. музей истории религии, 1991. С. 146–155.
- Кузьмин Н.Ю.* Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.
- Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 391 с.
- Линденау Я.И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Максименков Г.А.* Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 48–58.
- Матвеева Г.И.* Обряд обезвреживания погребенных в могильниках IV–VII веков в Южном Приуралье и Среднем Поволжье // Междунар. (XVI Урал.) археол. совещ: Материалы междунар. науч. конф. 6–10 октября 2003 г. Пермь, 2003. С. 210–212.
- Мир древних якутов: Опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / Под ред. Э. Крюбези, А. Алексеева.* Якутск: Издат. дом СВФУ, 2012. 226 с.
- Молодин В.И., Соловьев А.И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 2. 182 с.
- Нелин Д.В.* «Ограбление» погребений эпохи бронзы: Проблемы интерпретации // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: НТЦ, 2001. С. 317–321.
- Нелунов А.Г.* Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. Т. 1. 287 с.
- Нестеров С.П.* Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 184 с.
- Окладников А.П.* Якутия до присоединения к русскому государству // История Якутской АССР. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 430 с.
- Приклонский В.Л.* Три года в Якутской области: Этнографические очерки // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 48–84.
- Савинов Д.Г.* Дотюркский пласт в палеоэтнографии якутов // Сиб. сб. 2: К юбилею Е.А. Алексеенко. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 68–81.
- Савинов Д.Г.* Археологические материалы о южном компоненте в культуругенезе якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестн. 2013. № 2 (7). С. 59–72.
- Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения / Отв. ред. И.С. Гурвич.* М.: Наука, 1980. 240 с.

Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л., Джалл Э.Дж.Т. Интерпретации обряда и проблемные вопросы Кердюгенского погребения ымыяхтахской культуры (Якутия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 4 (52). С. 51–61.

Федоров М.М. Памятник обычного права якутов 1824 года: Учеб. пособие. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1991. 87 с.

Федосеева С.А. Дириг-Юряхский могильник: (Ограбление могил и проблема зарождения первобытного атеизма) // Археология Якутии. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1988. С. 79–98.

Флеров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: Обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимедиа, 2000. 164 с.

Флеров В.С. Обряд обезвреживания погребенных Хазарии на археологическом фоне Восточной Европы в I тыс. н.э. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк: ДонНУ, 2005. Т. 4. С. 383–406.

Флеров В.С. Розыскания по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой Восточной Европе // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк: ДонНУ, 2006. Т. 1. С. 55–74.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, 1969. 438 с.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г. Позднесредневековое шаманское погребение в могильнике Ортызы-Оба // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. С. 105–118.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 84–105.

Шишигина А.Н. Научное изучение Якутии в XVIII веке (по материалам Второй Камчатской экспедиции). Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2005. 299 с.

Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 239 с.

Источники

Виташевский Н.А. Якутские материалы. Отдел 1: Материалы по истории. Женева, 1908 // Архив МАЭ РАН. Ф. К-У. Оп. 1. Д. 17.

Максимова М.В. Отчет о работе Городского отряда археологической экспедиции ЯГУ на территории г. Якутска Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2007 г. Якутск, 2008 // Архив МАЭ СВФУ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 126.

Саввин А.А. Верования якутов (кэрэх, табык, духи др. материалы). Якутск, 1937 // Архив ЯНЦ СО РАН, рукоп. фонд. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 70.

Саввин А.А. Народная медицина якутов. Якутск, 1941 // Архив ЯНЦ СО РАН, рукоп. фонд. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 16.

R.I. Bravina*, V.M. Dyakonov*, E.Yu. Kolbina**, D.M. Petrov*

*Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the SB RAS
Petrovskii st., 1, Yakutsk, 677027, Russian Federation

**North-East Federal university

Belinskii st., 58, Yakutsk, 677000, Russian Federation

E-mail: *bravinari@bk.ru;

*dyakonov_vm@rambler.ru;

**kolba72@mail.ru;

*dmpetrov-92@mail.ru

THE RITUALLY DISTURBED BURIALS OF YAKUTS (XVII–XVIII centuries)

Basing on the analysis of the archaeological data on medieval burials of Yakuts we raise the problems of interpretation of graves with traces of an ancient ritual penetration and violation of burial structures and of anatomical integrity of the skeletons of the buried, using ethnographic and folklore data. We give a generalized description of the main types of disturbed graves of the late Middle Ages of Yakutia: secondary burial, embalming, rendering a dangerous dead harmless, desecration, robbery, etc. We provide historical and comparative data from the ancient and medieval cultures of Central Asia, Southern Siberia and the Far East. We examine philosophical ideas about the afterlife, ritual actions of Yakuts against «dangerous» dead and sacred people.

Key words: Yakutia, Yakuts, Middle Ages, burials, disturbed graves, post-inhumation rites, ancient penetration into the grave, interpretation, ethnographic parallels, folklore data.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-086-096

REFERENCES

Aksenov V.S., 2002. Obriadi obezvrezhivaniia pogrebennykh v Verkhne-Saltovskom i Rubezhanskom katakombnykh mogil'nikakh saltovo-maiatskoi kul'tury [Prophylactic rite directed against the dead in the Verkhnee Saltovo and Rubezhansky catacomb cemeteries of Saltovo-Mayatskoe culture]. *Rossiiskaia arkheologiya*, no. 3, pp. 98–114.

К вопросу о ритуально потревоженных захоронениях якутов (XVII–XVIII вв.)

- Alekseev A.N., 2013. Rannie kochevniki v Iakutii [The early nomads in Yakutia]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova*, vol. 10, no. 5, pp. 62–69.
- Bondarenko A.V., 2014. Praktika postingumatsionnogo narusheniia mogil v kul'turakh rannei i razvitoi bronzy Zapadnoi Sibiri: Arkheologicheskie fakty i etnograficheskie paralleli [The practice of post-inhumation violation of graves in the cultures of Early and Advanced Bronze Age in Western Siberia: Archaeological facts and ethnographic parallels]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3 (26), pp. 25–33.
- Bravina R.I., 2012. Ritual'nye elementy v pogrebeniiakh «opasnykh» umershikh (po materialam iakutskikh pogrebenii XVII–XVIII vv.) [Funeral elements in the burials of the «dangerous» dead (based on Yakut tombs of the XVII–XVIII centuries)]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikalskoi Sibiri: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Ulan-Bator: Izdatel'stvo Mongol'skogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 505–509.
- Bravina R.I., Popov V.V., 2008. *Pogrebal'no-pominal'naia obriadnost' iakutov: Pamiatniki i traditsii (XV–XIX vv.)* [The burial and memorial rites of Yakuts: sites and traditions (XV–XIX centuries)], Novosibirsk: Nauka, 296 p.
- Chernykh E.N., Kuz'minykh S.V., 1987. Pamiatniki seiminsko-turbinskogo tipa v Evrazii [The sites of Seima-Turbino type in Eurasia]. *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR*, Moscow: Nauka, pp. 84–105.
- Crubezy E., Alexeev A.N., 2012, (ed.). *Mir drevnikh iakutov: Opyt mezhdistsiplinamykh issledovaniy (po materialam Sakha-frantsuzskoi arkheologicheskoi ekspeditsii)* [The world of the ancient Yakuts: An experience of interdisciplinary research (based on the Sakha-French archeological expedition)], Iakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 226 p.
- Derevianko E.I., 1975. *Mokheskie pamiatniki Srednego Amura* [The Mohe sites of the Middle Amur], Novosibirsk: Nauka, 250 p.
- Derevianko E.I., 1977. *Troitskii mogil'nik* [The burial ground of Troitsk], Novosibirsk: Nauka, 224 p.
- Derevianko E.I., 1981. *Plemena Priamur'ia* [The tribes of the Amur Region], Novosibirsk: Nauka, 225 p.
- D'iakonov V.M., 2014. Nakhodka kostianogo igol'nika s iglami na neoliticheskoi stoinke Vladimirovka III (Tsentral'naia Iakutiia): Voprosy analogii i fenomen persistentnosti v kul'turnom razvitiu [Discovery of a bone needle case with bone needles at the Neolithic site of Vladimirovka III (Central Yakutia): Issues of analogies and the phenomenon of persistence in cultural development]. *Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra DVO RAN*, no. 1, pp. 89–96.
- Elert A.Kh., 1999. *Narody Sibiri v trudakh G.F. Millera* [The peoples of Siberia in the works of G.F. Miller], Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, 239 p.
- Emel'ianov N.V., 1980. *Siuzhety iakutskikh olonkho* [The Yakut Olonkho stories], Moscow: Nauka, 375 p.
- Fedorov M.M., 1991. *Pamiatnik obychnogo prava iakutov 1824 goda: Ucheb. posobie* [An Artifact of customary law of Yakuts 1824: Textbook], Iakutsk: Izdatel'stvo IaGU, 87 p.
- Fedoseeva S.A., 1988. Diring-luriakhskaia mogil'nik: (Ograblenie mogil i problema zarozhdeniia pervobytnogo ateizma) [The burial ground Diring-Yuryakh: (Robbery of graves and the issue of origin of primitive atheism)]. *Arkheologiya Iakutii*, Iakutsk: Izdatel'stvo IaGU, pp. 79–98.
- Flerov V.S., 2000. *Alany Tsentral'nogo Predkavkaz'ia V–VIII vekov: Obriad obezvrezhivaniia pogrebennykh* [Alans of Central Fore-Caucasus in the V–VIII centuries: The rite of rendering the buried harmless], Moscow: Polimedia, 164 p.
- Flerov V.S., 2005. Obriad obezvrezhivaniia pogrebennykh Khazarii na arkheologicheskom fone Vostochnoi Evropy v I tys. n.e. [The rite of rendering the buried of Khazariya harmless on the archaeological background of Eastern Europe in the I millennium AD]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*, vol. 4, Donetsk: DonNU, pp. 383–406.
- Flerov V.S., 2006. Rozyskaniia po obriadu obezvrezhivaniia pogrebennykh v rannesrednevekovoi Vostochnoi Evrope [Researches on the rite of rendering the buried harmless in early medieval Eastern Europe]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*, vol. 1, Donetsk: DonNU, pp. 55–74.
- Gekker N., 1896. Tri iakutskie mogily [Three Yakut graves]. *Izvestiia VSOIRGO*, vol. 26, no. 4–5, pp. 183–197.
- Gurvich I.S., 1980, (ed.). *Semeinaia obriadnost' narodov Sibiri: Opyt sravnitel'nogo izucheniia* [Family rites of Siberia peoples: A comparative study], Moscow: Nauka, 1980. 240 p.
- Khudiakov I.A., 1969. *Kratkoe opisanie Verkhoianskogo okruga* [A brief description of Verkhoyansky District], Leningrad: Nauka, 438 p.
- Khudiakov Iu.S., Skobelev S.G., 1984. Pozdnesrednevekovoe shamanskoe pogrebenie v mogil'nike Ortyzy-Oba [A later medieval shaman burial in the cemetery of Ortyzy-Oba]. *Etnografiia narodov Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, pp. 105–118.
- Kiuner N.V., 1961. *Kitaiskie izvestiia o narodakh Iuzhnoi Sibiri, Tsentral'noi Azii i Dal'nego Vostoka* [Chinese reports about the peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East], Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 391 p.
- Ksenofontov G.V., 1977. *Elleiada: Materialy po mifologii i legendarnoi istorii iakutov* [Elleiada: The materials on the mythology and legendary history of Yakuts], Moscow: Nauka 248 p.
- Kuz'min N.Iu., 1991. Ograblenie ili obriad? [Robbery or ritual?]. *Rekonstruktsiia drevnikh verovanii: Istochniki, metod, tsel'*, St. Petersburg: Gosudarstvennyi muzei istorii religii, pp. 146–155.
- Kuz'min N.Iu., 2011. *Pogrebal'nye pamiatniki khunno-sian'biiskogo vremeni v stepiakh Srednego Eniseia: Tesinskaia kul'tura* [The burials of Hunno-Syanbi times in the steppes of the Middle Yenisei: Tesinsk Culture], St. Petersburg: Aising, 456 p.

Lindenau Ia.I., 1983. *Opisanie narodov Sibiri (pervaia polovina XVIII v.): Istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [A description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century): Historical and ethnographic materials on the peoples of Siberia and the North-East], Magadan: Knizhnoe izdatel'stvo, 176 p.

Maksimov G.A., 1975. *Sovremennoe sostoianie voprosa o periodizatsii epokhi bronzы Minusinskoj kotloviny* [Current state of the issue of periodization of the Bronze Age of the Minusinsk Depression]. *Pervobytnaia arkheologiya Sibiri*, Leningrad: Nauka, pp. 48–58.

Matveeva G.I., 2003. *Obriad obezvrezhivaniia pogrebennykh v mogil'nikakh IV–VII vekov v luzhnom Priural'e i Srednem Povolzh'e* [The rite of rendering the buried harmless in the cemeteries of the IV–VII centuries in the Southern Urals and the Middle Volga]. *Mezhdunarodnoe (XVI Ural'skoe) arkheologicheskoe soveshchanie: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 6–10 oktiabria 2003 g.*, Perm', pp. 210–212.

Molodin V.I., Solov'ev A.I., 2004. *Pamiatnik Sopka-2 na reke Omi: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi srednevekov'ia* [The Sopka-2 site on the Om' river: Cultural and chronological analysis of the funerary complexes of the Middle Ages], Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, 182 p.

Nelin D.V., 2001. «Ograblenie» pogrebenii epokhi bronzы: Problemy interpretatsii [«Robbery» of tombs of the Bronze Age: Problems of interpretation]. *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: Kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiia: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «K stoletiu periodizatsii V.A. Gorodtsova bronzovogo veka iuzhnoi poloviny Vostochnoi Evropy»*, Samara: NTTs, pp. 317–321.

Nelunov A.G., 1998. *Iakutsko-russkii frazeologicheskii slovar'* [Yakut-Russian phrasebook], vol. 1, Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 287 p.

Nesterov S.P., 1998. *Narody Priamur'ia v epokhu rannego srednevekov'ia* [The peoples of the Amur region in the early Middle Ages], Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, 184 p.

Okladnikov A.P., 1955. *Iakutiia do prisoedineniia k russkomu gosudarstvu* [Yakutia before joining the Russian State]. *Istoriia Iakutskoi ASSR*, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, vol. 1, 430 p.

Priklonskii V.L., 1981. *Tri goda v Iakutskoi oblasti: Etnograficheskie ocherki* [Three years in Yakutsk region: Ethnographic essays]. *Zhivaia starina*, 3, St. Petersburg, pp. 48–84.

Savinov D.G., 2010. *Dotiurkskii plast v paleoetnografii Iakutov* [Pre-Turkic stratum in the paleoethnography of Yakuts]. *Sibirskii sbornik 2: K iubileiu E.A. Alekseenko*, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 68–81.

Savinov D.G., 2013. *Arkheologicheskie materialy o Iuzhnom komponente v kul'turogeneze Iakutov* [Archaeological materials of the southern component in the cultural genesis of Yakuts]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 2 (7), pp. 59–72.

Shishigina A.N., 2005. *Nauchnoe izuchenie Iakutii v XVIII veke (po materialam Vtoroi Kamchatskoi ekspeditsii)* [The scientific study of Yakutia in the XVIII century (based on the Second Kamchatka Expedition)], Iakutsk: Izdatel'stvo IANTs SO RAN, 299 p.

Stepanov A.D., Kuz'min Ia.V., Hodgins G.W.L., Jull A.J.T., 2012. *Interpretatsii obriada i problemnye voprosy Kerdiugenskogo pogrebeniia ymyakhtakhskoi kul'tury (Iakutiia)* [Interpretations of the rite and problematic issues of the Kerdyugen burial of Ymyakhtakh Culture (Yakutia)]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 4 (52), pp. 51–61.